

не, которые проводили всю жизнь в странствованиях и посещали Иерусалим по нескольку раз. Так как каждый пилигрим должен был иметь с собой паспорт, то беспорядки не могли иметь места, и действительно, история не представляет сначала ни одного случая насилия со стороны пилигримов, несмотря на то, что целые толпы их покрывали дорогу на Восток. Один мусульманский правитель, видя множество пилигримов, проходивших через Эмессу, говорил: «Они оставили свои жилища без всякого худого намерения и исполняют тем свой закон». Известно, что мусульмане имели еще более христиан наклонности к пилигримству, и это обстоятельство внушало им иногда чувство терпимости к благочестивым странникам Запада. Часто врата Иерусалима открывались вместе и для последователей Корана, пришедших на поклонение мечети Омара, и для учеников Евангелия, которые шли поклониться Гробу Спасителя; и те, и другие находили одинаковое покровительство, пока сохранялся мир на Востоке, и пока перевороты или военные предприятия не внушали недоверия властителям Сирии и Палестины.

Ежегодно в праздник Пасхи бесчисленные толпы пилигримов стекались в Иудею для празднования тайны искупления и для присутствия при чуде священного огня, который, по верованию пилигримов, сходил с неба на лампаду св. Гроба (см. ниже). Не было такого преступления, которое не могло бы быть искуплено странствованием в Иерусалим для поклонения Гробу Господню. Из «Деяний святых» видно, что такое убеждение утвердилось среди франков еще со времен Лотаря в IX в. Один древний рассказ из той эпохи, сохраненный монахом из Редона, повествует нам, как могущественный герцог Бретани, Фротмонд, убийца своего дяди и младшего из братьев, явился в одежде кающегося и предстал перед королем франков и собранием епископов. Король и прелаты, связав его крепко железной цепью, предписали ему отправиться на Восток и обойти Святую землю с головой, посыпанной пеплом, и с власницей на теле. Огватительный вид, кото-

рый представляли пилигримы, обнаженные и в цепях, заставил Карла Великого одно время запретить такое публичное покаяние, но скоро этот обычай приобрел новую силу. Фротмонд, сопровождаемый служителями и участниками преступления, отправился в Иерусалим. Пробыв там некоторое время, он прошел по пустыне, являясь на берегах Нила, откуда по берегу Африки достиг Карфагена и переехал в Рим, где Папа Бенедикт III (ум. в 858 г.) советовал ему снова предпринять странствование для полного отпущения грехов. Фротмонд посетил вторично Палестину, проник до берегов Черного моря, три года провел на горе Синае и ходил в Армению, чтобы увидеть гору, на которой остановился ковчег Ноя после Потопа. По возвращении в отечество он был принят, как святой, заключился в монастыре Редоне и умер, оплакиваемый иноками, которых он называл рассказами о своих странствованиях.

Много лет спустя после смерти Фротмонда Ценций, префект Рима (см. о нем выше), оскорбивший Папу Григория VII в церкви св. Марии Старшей, свергнутый с престола и бросивший в темницу, должен был для искупления своего святотатства предпринять странствование в Св. землю. Граф Анжу, Фулько Черный, живший в то же время (XI в.) был обвинен в том, что он умертвил свою первую жену и часто обрызгал руки левинной кровью. Преследуемый общественной ненавистью и голосом совести, он часто видел, как тени жертв его мести или самонабия выходили из могил и беспокоили его сон. Чтобы освободиться от такого тяжелого кошмара, преследовавшего его повсюду, Фулько покинул свое государство и отправился, одетый пилигримом, в Палестину. Буря у берегов Сирии напомнила ему гнев Провидения и удвоила его религиозный жар. Прибыв в Иерусалим, он шел по улицам св. города с веревкой на шее; служители бичевали его и при этом громко произносили: «Господи, сжалясь над неверным и вероломным христианином, над грешником, странствующим далеко от своей земли!» Во время пребывания в Палестине Фулько раздавал щедрую милостыню,